

Л. В. Зубова

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
l-zubova@yandex.ru*

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА

О, неизбежность «ы» в правописании «жизни»!
Иосиф Бродский

Статья содержит наблюдения над стилистическими функциями орфографии. Рассматриваются некоторые особенности орфографии в официально-деловом и научном стилях, написания, маркирующие высокий и сниженный стили, традиционно-поэтическая орфография, орфографические архаизмы. Анализируется стилистический аспект языковой игры с орфографией (в социальных сетях, в нейминге, в современной поэзии). Отмечаются тенденции к лексикализации написаний, нарушающих норму и к появлению аксиологических оппозиций нормативных и ненормативных вариантов написания слов. Анализ материала показывает, что многие слова, написанные с нарушением орфографических норм, психологически и социально востребованы, они фактически вошли в язык, получив определенные функции (особенно для снижения пафоса, категоричности, ослабления банальности или, напротив, демонстрации банальности, для выражения экспрессии). Вполне возможно, что некоторые из подобных написаний останутся в письменной форме языка и в перспективе могут быть кодифицированы. Во многом это связано с тем, что любителями словесных забав являются грамотные люди, часто филологи и писатели, склонные к языковой рефлексии. Итак, кодифицированная или некодифицированная, но устойчивая вариантность написаний позволяет видеть в орфографии значительный стилистический ресурс.

Ключевые слова: стилистика, орфография, эрратография, словообразование, аксиология.

Об орфографической стилистике не говорится ни в одном учебнике, а она существует, поскольку возможны орфографические варианты и намеренные отступления от правил правописания, причем далеко не только как проявления языковой игры.

Орфографическим вариантам, легитимация которых дискуссионна (см., напр.: [Кузьмина 2001]), отказано в статусе стилистического средства (см. высказывания

лингвистов в книге: [Бешенкова, Иванова 2016: 66]). Между тем, наблюдения над стилистическими функциями орфографических вариантов все чаще встречаются в лингвистике, напр., [Панов 1964], [Григорьев 1966], [Емельянова 1976], [Булохов 2001], [Голев 2004], [Гусейнов 2006], [Кронгауз 2012, 2013], [Еськова 2009], [Уткин 2009, 2011].

Ясно, что пришло время обобщить, продолжить и включить наблюдения над стилистическими функциями орфографии в курс стилистики русского языка.

Большинство наблюдений относится к стилистике ресурсов, но есть и материал для функциональной стилистики. Поскольку бесспорно могут быть выделены только официально-деловой и научный стили, обратим внимание на то, как проявляется орфографическая стилистика в языке науки и делопроизводства.

В языке философии, например, наблюдается «развитая модель дефисного отрицания *не-*: “**не-являющемся**”, “**не-моральное**”, “**не-священным**” <...> В философских текстах дефисное написание *не-* позволяет не только ослабить прямое отрицание, но и привнести новую семантику, и что самое важное, концептуализировать сам формант *не*» [Азарова 2010: 28]¹.

В официальных документах особым образом употребляются прописные буквы: *Наймодатель обязуется: <...> При выезде **Нанимателя** из **Объекта**, возвратить ему страховой депозит (п.6.1 настоящего **Договора**) после предъявления **Нанимателем Наймодателю** оплаченных счетов, квитанций, согласно п. 4.5 **Договора** («Договор найма жилого помещения»).*

Далее рассмотрим ряд явлений орфографической стилистики, группируя материал по функциям нарушения нормы.

Связь орфографии с высоким стилем проявляется, прежде всего, в особом употреблении прописных букв.

В разных речевых жанрах высокий смысл может приписываться любым словам. Об их идеологическом употреблении см.: [Кронгауз 2012: 407].

Дискуссионна стилистика написаний *ты* и *Ты*, *вы* и *Вы* при обращении (см.: [Геккина 2014]), *Бог* и *бог* (см.: [Еськова 2010]).

Регистры букв могут указывать на аксиологическое противопоставление: ***бог** из бетономешалки / **бог** усвоивший армейские порядки / по ускоренному курсу в караулке / рядом с **Маршалом** чугунным на лошадке / как собачка с госпожою на прогулке!* (В. Кривулин).

Прописная буква может быть маркером символа, персонифицированной аллегории, концептуализации образа ли понятия: *...зная бессонный нюх / **Леса** и **Озера**, **Вечера** и **Тумана** / мы подражаем повадкам зверей и птиц, / передавая друг другу дурные вести, / мы говорим по-совиному, по-соловьиному, / дети **Стыда** и **Страх**...* (И. Волков).

Высокий стиль создается и традиционно-поэтической орфографией. Безусловно, к ней относятся написания форм типа *в сомненьи*² (из-за чего поэты нередко

¹ Все выделения полужирным шрифтом в статье мои — Л.З.

² Это отражено в лексикографии: [Литературный энциклопедический словарь 1987: 261].

сорются с редакторами). Обратим внимание на то, что буква «и» в этой форме вполне системна, соответствующий звук бывает ударным: *в забытьи*.

Стилистически маркированы орфографические архаизмы, например: *мятель, лебядь, рясницы, имянины, масляница, мачиха, снигирь, поцалуи, жолтый, чорт, язычок, шоколат, безконечный, блок-нот, спортсмэн, Катинька, Ваничка*.

Широко известно, что А. Блок настаивал на различии написаний *жолтый* и *желтый*, *метель* и *мятель* (см.: [Орлов 1960: 568]). И. Бродский пишет *чорт* при обозначении мифологического персонажа и *черт* при инвективном употреблении.

В. Я. Лакшин рассуждает о вариантах *чорт* и *черт* у М. Булгакова: «Перечитал “Записки покойника” Булгакова <...> Между прочим, он пишет слово “чорт” через “о”. “Черт” через “е” — привычный, литературный, домашний. “Чорт” через “о” — страшный чорт Гофмана и Достоевского, это и в самом деле нечистая сила. Вот что делает одна буква» [Лакшин 1991: 132–133]³.

Интенция к повышению стиля имеется при употреблении букв Ъ и Ь, окончаний *-аго*, *-ья* в рекламе и нейминге. Неправильное написание таких элементов (*галерея обувъ, лавкаъ, деловья объды*), если оно намеренное, переводит подобные написания в игровой регистр, но он не всегда таковым воспринимается.

Снижение стиля осуществляется многими способами. Наиболее традиционным из них является употребление строчной буквы вместо прописной. Приращение означаемого вплоть до инвективы выразительно представлено в реплике из книги С. Алексиевич «Время second-hand»: *Я их всех ненавижу: горбачева, шеварнадзе, яковлева, — напишите с маленькой буквы, так я их ненавижу*.

Д. Суховой обратила внимание на то, что «Лидер группы эго-футуристов Иван Игнатъев графически выворачивал наизнанку символическое значение слова: начинал со строчной буквы, а записывал заглавными те же слова, которыми оперировал символизм, например, *жИЗНЬ, чАРЫ*» [Суховой 2007: 149].

Стремление к снижению пафоса, скомпрометированного банальностью или фальшью, особенно характерно для современной культуры. Применительно к орфографии самым заметным способом снижения стала имитация ошибок. Исследователи отмечают такие стилистические функции эрратографии (термин Г. Ч. Гусейнова), как языковая игра, экспрессия, ирония, обозначение границы между своими и чужими, протест против строгих предписаний, не всегда логически объяснимых.

Во многих примерах из сетевого общения нет экспрессии, но очевидны модусные сдвиги к снижению пафоса и смягчению категоричности: 1) *Я щетаю — это несправедливо с Вашей стороны, Павел Владимирович!!* 2) *Пичалька. Каникулы кончились*. В этих репликах прочитывается и уступка стереотипам в употреблении слов, а шутовская форма становится маркером рефлексии над банальными словами.

Эрратография, выйдя за пределы сетевого общения, получила большую популярность в нейминге и рекламе. Можно выделить такой аспект орфографической стилистики, как маркетинговая эрратография. Имитация ошибок широко представлена на различных вывесках магазинов, ресторанов (*Булошная, Казачёк, Пальчики*

³ Цитата приведена в статье: [Еськова 2009: 317].

оближеш, Фкусно). Вероятно, таким способом, помимо привлечения внимания, дается сигнал целевой аудитории «мы свои, у нас нет официоза, мы веселые». То, что такие вывески вызывают раздражение и негодование людей, которые наивно приписывают создателям вывесок безграмотность, рекламе идет на пользу.

Яркой чертой эрратографии является слитное написание устойчивых речевых фрагментов⁴. Иногда такие фрагменты оформляются кавычками, указывающими на цитатность, иногда сами сращения выполняют функцию кавычек, маркирующих чужую речь как банальность, с которой приходится мириться: 1) *Надо вернуться в Москву ненадолго. Мальчики мои там все съели. И вообще. Яжемать. И яжежена*; 2) *Яжематерям везде у нас дорога!!!!* 3) *ой! у меня там много примеров приводится. люди совершенно не понимают чётакова* (реплика И. Левонтиной в Фейсбуке).

Сращения-цитаты часто встречаются в литературе: *всё что звалось сердцуило / теперь зовется обылом* (А. Горенко).

В таких случаях проявляется иконическая функция сращений. Она еще более наглядна, когда слитные написания соответствуют содержанию высказывания: 1) *Тропинкаприлиплакботинку* (Л. Виноградов); 2) *бесконечнодолгоиграющая пластинка* (А. Месропян); 3) *Любой безлюдный метр, повыше ли, пониже — / Футляр для тыия, пустая нами ниша* (М. Степанова).

В первом примере изображено прилипание предметов прилипанием слов, во втором узуальное сращение *долгоиграющая* дополнено еще одним наречием, усиливающим образ длительности и семантикой, и длиной слова. В третьем, очень возможно, что сращение *тыия* произведено от строки М. Цветаевой из «Поэмы Конца»: *Мы же сросишесь*. Цветаевский подтекст подтверждается первой строкой стихотворения Степановой — строкой, в которой есть слова *на месте этом зычном* — ср. у Цветаевой: *Первое письмо тебе на новом / — Недоразумение, что злачном — / (Злачном — жвачном) месте зычном, месте звучном* («Новогоднее»).

В современной поэзии встретился пример удвоения буквы, не обозначающей звука, но входящей в звукоподражательное междометие: *Дзеньнь тихо по струнам резануло — / И на ключья распалось сердце* (С. Круглов. «Зеркальце»).

Любопытен пример языковой рефлексии в Живом журнале, мотивирующий эрратографические написания их образительностью при отождествлении означаемого с означающим: *У каждого свое счастье, щастье, сщастье, стщастье, стщастье! Вы думаете написано неправильно? А где вы видели идеальное счастье?*

Обозначение экспрессии в разговорной речи, публицистике, художественной литературе прямым образом связано с орфографией. Некоторые экспрессивные написания в художественной литературе, изображающие форсированное произнесение звуков, рассматриваются в статье: [Пеньковский 1974].

Экспрессия может быть выражена и многими другими способами, например, отделением префикса: *И настанет тот год и поход, / где ни кто ни куда не придет*

⁴ Ср. узуальные сращения, напр., *сегодня, быстрорастворимый, втридорога*.

(В. Соснора). Д. Сабитова пишет в **Фейсбуке**: *Вот у меня пришли две тетки — на пробу, уборщицами. <...> ПАЧИМУ!!! ПАЧИМУ — я, доцент-филолог и у меня ваще лапки — ПАЧИМУ я все равно умею мыть полы лучше, чем они. ПАЧИМУ моя просьба вот тут и вот тут отмыть пятно кетчупа с пола руками — вызывает кивание головой и улыбку: какая вы юмористка, сеньора! хахаха!*

В социальных сетях и sms-сообщениях, а также и за их пределами широкое распространение получило изображение громкости речи или важности высказывания прописными буквами. Это явление вызывает критику и насмешки: **ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ КАПСЛОК?** *Объясняю: это невежливо. Дело в том, что капслок означает ИСТОШНЫЙ КРИК.*

На разных картинках-мемах встречаются надписи: 1) *Не пью, не курю, ругаюсь капсом;* 2) *Капс зажал — характер показал;* 3) *и не надо на меня капсом писать.*

Прописная буква в начале слов как средство экспрессии представлена на сайте Animalzz.ru в контекстах такого типа: *«Сорока, Которая Смеется Как Ребенок. Вы Такое Видели?»*

Вернемся к игровым заменам букв и рассмотрим такой важный аспект, как эрратографический способ словообразования. «Коллективное остроумие», по выражению М. А. Кронгауза [Кронгауз 2012: 257], играет в этом случае существенную роль. Искорректированные написания, постоянно повторяясь и часто сопровождаясь языковой рефлексией, проявляют тенденцию к лексикализации с изменением семантики⁵: 1) *У блондинок МОЗГ или МОСК?* 2) *Ясно ведь, что «хочется» и «хочецца» — два принципиально разных способа желать;* 3) *а моменты времени «щас» и «сейчас» не совпадают.*

В социальных сетях стало часто употребляться слово *алень* при обозначении мужчин. Оно производно от *олень*, но не имеет отношения к рогам как знаку женской измены. Актуализируется признак «тягловое животное»: 1) *Алень — это особь мужского пола, на которой можно ездить и погонять;* 2) *«Алень» — терпила в отношениях с бабами.*

Обнаруживается тенденция к расширению значения этого слова: *Алени, как правило, аленьями являются абсолютно во всех проявлениях, не только в семейной жизни.*

Отчетливо прослеживается аксиологическое отличие ненормативных написаний от нормативных: 1) *Почитали бы чего по теме, товарисч песатель... Не позорились бы публично;* 2) *Учоный пытается выпендриваться;* 3) *жызнь а не жизнь... это про россиян.*

Ю. В. Уткин так анализирует оппозицию *сука* — *сцук*: «Иной пример — *сцук*. <...> в функции инвективы эрративный вариант несет смягчающие коннотации, он менее категоричен и враждебен, в отличие от корректного варианта, эрратив может выражать положительную оценку» [Уткин 2011: 138].

На перспективе игровой эрратографии существуют противоположные точки зрения: она надоест и исчезнет [Гусейнов 2006] или может, к сожалению, стать новой нормой [Кронгауз 2012: 255]. Пока не происходит ни того, ни другого.

⁵ Подробно этот аспект рассмотрен в статье: [Зубова 2012].

Наиболее активными игры с орфографией были примерно в 2005–2010 гг. Но ослабление и утрата моды не привели к полному отказу от имитации ошибок. Многие такие слова психологически и социально востребованы, они фактически вошли в язык, получив определенные функции (особенно для снижения пафоса, категоричности, ослабления банальности или, напротив, выставления банальности напоказ).

Вполне возможно, что некоторые из подобных написаний в перспективе могут быть кодифицированы (ср.: *тысяча* и *тыща*). При этом ощутимо влияние искаженных написаний и на устную речь (*пестня, женщина, котегу*).

По наблюдениям Ю. М. Кудрявцева и Ю. В. Уткина, «... в наиболее поздних по времени создания контекстах <...> доля лексикализованных эрративов и эрративов, содержащих морфологизированные эрратограммы, заметно выше, чем в текстах 2007–2008 гг. Предположительно это связано с тем, что начиная с 2008 г. популярность эрратографии как контркультурного явления постепенно уменьшалась. При этом “случайные” эрративы стали порождаться в неформальной письменной коммуникации значительно реже, в то время как морфологизированные эрратограммы и лексикализованные эрративы закрепились в узусе Рунета» [Кудрявцев, Уткин 2011: 163].

Авторы этой статьи справедливо утверждают: «В контексте изучения в современном языкознании графико-орфографического способа словообразования (В. П. Изотов, Т. В. Попова и др.) вопрос об орфографическом, точнее, “эрратографическом” способе, несомненно, заслуживает анализа с позиций словообразования» [Указ. соч.: 164].

В хаосе массового нарушения орфографических правил устанавливается некий порядок. И во многом это связано с тем, что любителями словесных забав являются грамотные люди, часто филологи и писатели, склонные к языковой рефлексии. Стоит помнить, что «Шутливая речь — ворота, сквозь которые прорываются новые языковые факты» [Панов 1990: 25].

Таким образом, сосуществование старого и нового при исторических изменениях орфографических норм, эмоциональное отношение носителей языка к этим изменениям, кодифицированная или некодифицированная, но устойчивая вариантность написаний позволяют видеть в орфографии значительный стилистический ресурс.

Литература

Азарова Н. М. Язык философии и язык поэзии — движение навстречу. М.: Логос / Гнозис, 2010. 496 с.

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. М.: Лексрус, 2016. 424 с.

Букчина Б. З. Орфографические варианты // Литературная норма и вариантность. М.: Наука, 1981. С. 215–233.

Булохов В. Я. Экспрессивные орфографические написания // Русский язык в школе. 2013. № 1. С. 77–81.

Геккина Е. Н. Тыканье, выканье и прописные буквы в метаязыковом диалоге // Современный русский язык в интернете / ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 222–228.

Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. М: УРСС, 2004. 158 с.

Григорьев В. П. Язык, орфография и писатель // Орфография и русский язык. М.: Наука, 1966. С. 97–127.

Гусейнов Г. Ч. Введение в эрратическую семантику (на материале «Живого Журнала») // *Integrum: точные методы и гуманитарные науки* М.: Летний сад, 2006. С. 383–405.

Еськова Н. А. Заставь дурака. Еще раз о Боге и боге // Русская речь. 2000. № 1. С. 45–47

Емельянова Л. Л. Нарушение орфографической нормы как средство создания стилистического эффекта // *Филологические науки*. 1976. № 1. С. 107–113.

Еськова Н. А. Об орфографии впервые публикуемых и перепечатаваемых текстов (в порядке постановки вопроса) // *Русский язык в научном освещении*. 2009. № 2. С. 316–317.

Зубова Л. В. Потенциальная семантическая дифференциация вариантов слова // *Вариативность в языке и коммуникации*. М.: РГГУ, 2012. С. 101–124.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. М.: Астрель: CORPUS, 2012. 480 с.

Кронгауз М. Самоучитель олбанского. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 416 с.

Кудрявцев Ю. М., Уткин Ю. В. Целесообразность изучения девиаций в высшем профессиональном образовании (на примере эрратографии) // *Мир образования — образование в мире*. 2011. № 4. С. 161–165.

Кузьмина С. М. Об умягчении нравов русской орфографии (к проблеме вариативности написаний) // *Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова*. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 406–411.

Лакшин В. Я. «Новый мир» во времена Хрущева: дневник и попутное (1953–1964) М.: Книжная палата, 1991. 269 с.

Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.

Орлов В. Александр Блок. Вступительный очерк // Блок А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. С. VII–LXIII.

Панов М. В. И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М.: Наука, 1964. 168 с.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: Наука, 1990. 453 с.

Пеньковский А. Б. О некоторых некодифицированных явлениях современной русской орфографии (о написаниях типа *ид-уу, оч-чень*) // *Нерешенные вопросы русского правописания*. М.: Наука, 1974. С. 94–121.

Правила русской орфографии и пунктуации: полный академический справочник. М.: АСТ-Пресс книга, 2011. 431 с.

Суховой Д. Новые функции заглавных букв в поэтическом тексте. (На материале антологии «Девять измерений») // Русская филология 18. Тарту, 2007. С. 149–153.

Уткин Ю. В. Об эрратографии как орфографическом стиливом средстве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. №2. С. 203–205.

Уткин Ю. В. Эрратография: аспекты изучения // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. №37 (252) Филология. Искусствоведение. Вып. 61. С. 136–139.

Ludmila V. Zubova
Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)
l-zubova@yandex.ru

ORTHOGRAPHIC STYLE

The article contains observations on the stylistic features of orthography. The point at issue are some peculiarities of spelling in the official and academic styles of writing, kinds of spelling that could mark formal and informal styles of writing, traditional poetic spelling, orthographical archaisms. The stylistic aspect of the wordplay with spelling in social networks, in product naming, in contemporary poetry has also become an object of interest in this article. It has been fixed the tendency to lexicalized spellings that disrupt the rule. They lead to the uprise of axiological oppositions built on normative and non-normative spellings. The analysis of the material shows that the disruption of orthographic norms is frequently motivated psychologically and socially. Actually, these words have entered the language, because of obtaining certain special functions, such as pathos reduction, weakening of the banality and the flatness or, on the contrary, the demonstration of the banality, also phrasing of the expression. It is possible that some of these spellings would enter in the formal written language because they are often created by peoples, first of all philologists and writers, who are able to the creative reflection. Hence, either formal or informal, but persistent variability of spelling make it possible to perceive the orthography as a significant stylistic resource.

Key words: stylistic, spelling, artography, word formation, axiology.

References

Azarova N. M. *Yazyk filosofii i yazyk poezii — dvizhenie navstrechu* [Language philosophy and language poetry is a movement towards]. Moscow, Logos Publ., Gnozis Publ., 2010. 496 p.

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Teoriya i praktika normirovaniya russkogo pis'ma*. [Theory and practice of standardizing Russian writing]. Moscow, Leksrus Publ., 2016. 424 p.

Bukchina B. Z. [Spelling variants]. *Literaturnaya norma i variantnost'* [Literary norm and the variance]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 215–233. (In Russ)

Bulokhov V. Ya. [Expressive writing spelling]. *Russkii yazyk v shkole*. 2013. № 1, pp. 77–81. (In Russ)

Emel' eanova L. L. [Violation of spelling rules as a means of creating stylistic effect]. *Filologicheskie nauki*. 1976. № 1, pp. 107–113. (In Russ)

Es'kova N. A. [About the spelling the first time published, and reprints of texts (in the order of the question)]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshhenii*. 2009. № 2, pp. 316–317. (In Russ)

Es'kova N. A. [Make a fool. Again about God and god]. *Russkaya rech'*, 2010. № 1, pp. 35–47. (In Russ)

Gekkina E. N. [Appeal to you and you and capital letters in metalinguistic dialogue]. *Sovremennyi russkii yazyk v internete*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014, pp. 222–228.

Golev N. D. *Antinomii russkoi orfografii* [Antinomies of Russian spelling]. Moscow, URSS Publ., 2004. 158 p.

Grigor'ev V. P. Language, spelling and writer]. *Orfografiya i russkii yazyk*. [Spelling and Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 97–127. (In Russ)

Guseienov G. Ch. [Introduction to erratic semantics (based on the "Live Journal")]. *Integrum: tochnye metody i gumanitarnye nauki*. Moscow, Letnii sad Publ., 2006, pp. 383–405.

Krongauz M. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva. 3D* [Russian language on the verge of a nervous breakdown. 3D]. Moscow, AST Publ., 2012. 480 p.

Krongauz M. *Samouchitel' olbanskogo* [Teach Olbany]. Moscow, AST Publ., 2013. 416 p.

Kudryavcev Yu. M., Utkin Yu. V. [The feasibility study deviations in higher professional education (on the example of artography)]. *Mir obrazovaniya — obrazovanie v mire* [The world of education — education in the world]. 2011. № 4, pp. 161–165. (In Russ)

Kuz'mina S. M. [About the softening of the mores of Russian spelling (to the problem of the variability of the spellings)]. *Zhizn' yazyka*. [The life of language] Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001, pp. 406–411. (In Russ)

Lakshin V. Ya. «Novyi mir» vo vremena Khrushcheva: dnevnik i poputnoe (1953–1964) [“New world” during the times of Khrushchev: the diary and associated (1953–1964)]. Moscow, Knizhnaya palata Publ., 1991. 269 p. (In Russ)

Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'. [Literary encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya encyclopediya Publ., 1987. 752 p.

Orlov V. [Alexander Blok. An introductory essay]. Blok A. *Sobranie sochinenii: v 8 t. T. 1*. [Collected works in 8 volumes. Vol. 1]. Moscow, Leningrad, GIKHL Publ., 1960, pp. VII-LXIII. (In Russ)

Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [The history of the Russian literary language of XVIII–XX centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 453 p.

Panov M. V. *I vse-taki ona khoroshaya! Rasskaz o russkoi orfografii, ee dostoinstvakh i nedostatkakh* [Still, she's good! The story about the Russian spelling, its advantages and disadvantages]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 168 p. (In Russ)

Pen'kovskii A. B. [On some tacit phenomena of modern Russian spelling (the spelling of the type *id-uu, och-chen'*)]. *Nereshennye voprosy russkogo pravopisaniya* [Unresolved issues the Russian spelling]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 94–121. (In Russ)

Pravila russkoi orfografii i punktuacii: polnyi akademicheskii spravochnik [Rules of Russian orthography and punctuation: complete academic reference]. Moscow, AST-Press kniga Publ., 2011. 431 p.

Sukhoveii D. [New features uppercase letters in a poetic text. (Based on the anthology “Dev eat' izmerenii”).] *Russkaya filologiya* 18 [Russian Philology 18]. Tartu, 2007, pp. 149–153. (In Russ)

Utkin Yu. V. [About artography spelling as a stylistic tool]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2009. №2, pp. 203–205. (In Russ)

Utkin Yu. V. [Artography: aspects of the study]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta*. 2011. №37 (252), Chelyabinsk University Press, pp. 136–139. (In Russ)

Zubova L. V. [Potential semantic differentiation of word]. *Variativnost' v yazyke i kommunikatsii*. [Variability in language and communication]. Moscow, RGGU Press, 2012, pp. 101–124. (In Russ)